

<http://LLL21.petrSU.ru>

<http://petrsu.ru>

Издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Петрозаводский государственный университет»,
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**Научный электронный ежеквартальный журнал
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: XXI ВЕК**

Выпуск 2 (34).
Summer 2021

Главный редактор
Т. А. Бабакова

Редакционная коллегия

Э. Ванхемпинг
О. Грауманн
С. А. Дочкин
З. Б. Ефлова
М. В. Иванова
А. В. Москвина
Е. А. Раевская
Э. Рангелова
В. В. Сериков
И. З. Сковородкина
А. П. Сманцер
И. И. Сулима
И. В. Филимоненко

Редакционный совет

А. Г. Бермус
Е. В. Борзова
А. Виегерова
Е. В. Игнатович
А. Клим-Климашевска
А. И. Назаров
Е. И. Соколова

Служба поддержки

Т. А. Каракан
Т. А. Кириллова
А. Г. Марахтанов
Е. В. Петрова
Е. И. Соколова

ISSN 2308-7234

Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № **ФС77-57767** от 18.04.2014

Решением Президиума ВАК журнал включен
в Перечень рецензируемых научных изданий (с 09.08.2018 г., «Педагогические науки»)

Журнал зарегистрирован в информационных системах РИНЦ (договор 473-08/2013)
и ERIH PLUS (18.06.15)

Адрес редакции

185910 Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Анохина, д. 20, каб. 208
Электронная почта: LLL21@petrsu.ru

ПОМНИКОВА Анна Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка как иностранного

Дальневосточный федеральный университет
(г. Владивосток, Российская Федерация)

pomnikova_a@mail.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМЕЙНЫХ ИСТОРИЙ КАК ВИДА КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: цель статьи – обосновать семейные истории как особый вид коммуникации, сохраняющий и передающий опыт поколений и систему ценностей данной семьи, и определить их воспитательный потенциал. Материалом для исследования послужили как устные и письменные семейные истории, так и другие формы представления истории семьи (фотографии из семейных архивов, семейные реликвии, тексты писем), произведения художественной литературы, содержащие рассказы об истории семьи, материалы социальных сетей, а также данные организованного нами анкетирования. Исследование проведено на основе метода включенного наблюдения, тематического анализа, элементов биографического метода, метода изучения форм и видов представления семейных историй, метода анализа полученного материала и метода обобщения. В статье определены такие базовые характеристики семейных историй как особого вида коммуникации, как объект, цели, формы и функции данного типа коммуникации, а также ключевые особенности: разнонаправленность, дискретность, многоступенчатость, ориентированность на будущее при обращенности к прошлому и функционировании в настоящем. Охарактеризованы основные способы формирования коммуникативного пространства семьи; проанализированы характерные особенности личностных семейных историй, проведено их отграничение от художественных; обозначены новые способы оформления семейных историй; выявлено, что семейные истории как особый вид коммуникации обладают значительным воспитательным потенциалом, формируя и транслируя последующим поколениям ценностную картину мира субъектов семьи.

Ключевые слова: история семьи, семейная история, внутрисемейная коммуникация, воспитательный потенциал, семейные ценности, патриотизм.

Дата поступления: 15.02.2021

Дата публикации: 26.06.2021

Для цитирования: Помникова, А. Ю. Воспитательный потенциал семейных историй как вида коммуникации / А. Ю. Помникова // Непрерывное образование: XXI век. – 2021. – Вып. 2 (34). – DOI: 10.15393/j5.art.2021.6931.

Anna Yu. POMNIKOVA
PhD in Linguistics, Associate professor,
Department of Russian as a foreign language
Far Eastern Federal University
(Vladivostok, Russian Federation)
pomnikova_a@mail.ru

EDUCATIONAL POTENTIAL OF FAMILY STORIES AS A TYPE OF COMMUNICATION

Abstract: the personality and developmental potential of the continuous education environment in the internal affairs bodies on the basis of the subjective approach is investigated. The article is based on the results of the author's research, which revealed tendencies towards a contradiction between the meaningfulness of life guidelines of employees of internal affairs bodies, their focus on education and the expressiveness of their reflexivity. The personal development potential of the lifelong learning environment is considered within the frames of personal and environmental interaction strategies. The status positions of the personality do not strictly correlate with the developed personality, although they can act as prerequisites for the development. We regard the personal development in the aspect of the social essence of a person as associated with the ability to self-justification, self-determination, and self-realization. The characteristic of personality self-realization is expressed by the dynamics of the subject-personal position of adults in the service and educational environment (in the refraction of the properties of personality development – heterochronism, eventivity, and situationalness). The dialectical accumulation and resolution of personal contradictions accompanies a qualitatively new level of personal development, therefore, it should accompany the desired result of the person's retention in the educational environment. Reflexivity in the personal organization acts as a connecting element between the subjective perception of activity and the very possibility of development. In the subordination and disciplinary space of the profession, legal norms claim the role of a moral imperative. A pragmatic approach to assessing the personal development of an employee of the internal affairs bodies does not exclude the recognition of a positive stable state of a personal organization in accordance with the corporate pattern. At the same time, the strategies of the personal development of adults are assessed by us as unfavorable when high values of life-meaning orientations are demonstrated with a negative correlation with reflexivity.

Keywords: personal development; subjectivity; educational environment; continuing education; subjective approach; systems approach.

Received: February 15, 2021

Date of publication: June 26, 2021

For citation: Pomnikova A. Yu. Educational potential of family stories as a type of communication. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the XXI century]*. 2021. № 2 (34). DOI: 10.15393/j5.art.2021.6931.

В жизни любого общества периодически происходят переломные моменты, кардинальные сдвиги, сопровождающиеся переоценкой ценностей. Как правило, память нации через определенное время после подобных перемен стремится к возрождению, порождая движения и даже направления исследований, целью которых становится ее восстановление. На территории постсоветского пространства в XX в. сложилась уникальная ситуация, когда подобные кардинальные перемены произошли не раз и не два за одно столетие: революция, Гражданская война, раскулачивание, Вторая мировая, репрессии, смены

политического строя, «лихие девяностые» – все эти события вынуждали каждое новое поколение приспособливаться к новым условиям жизни, подчас предавая забвению семейную память, прекращая трансляцию семейной истории. Если в других странах подобные метаморфозы носили однократный характер и через 1–2 поколения восприятие прошлого трансформировалось под новые условия, а семья никогда не теряла своей фундаментальной ценности, то у нас за последние сто лет произошел значительный разрыв четырех поколений. Именно поэтому для территории постсоветского пространства так сложен принцип восстановления семейной и личной истории.

«Воспитание гармонично развитой личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций»¹ является одной из главных целей в сфере современного образования. Для решения этой задачи необходимы разработка и внедрение в учебные программы школ дисциплины «(Нравственные) Основы семейной жизни». Данный курс уже реализуется в ряде российских регионов. Например, в Тульской области рабочая группа, разработавшая данный проект, включила в него такие темы, как «История семьи», «Семейные ценности», «Культура и быт семьи» и «Общение в семье» [16, с. 20]. Но эти дисциплины могут стать лишь отражением, концентрацией, передачей «вовне» того, что ребенок получает в семье. Те знания, которые образуют «историю его семьи», составляют основы «общения в семье», обеспечивают формирование и поддержание «культуры семьи», организацию ее «быта». Все это «идет» из семьи. Личностные ценности воспитываются прежде всего в семье, и именно этот «ценностный компонент» позволяет нам «ориентироваться в окружающем мире» [20, с. 80]. Основным же способом трансляции системы социокультурных ценностей является коммуникация. Именно общение признается исследователями основой семейной жизни и функционирования семьи [29]. Рассмотрение семьи как коммуникативной системы привело к появлению особой области знания и направления исследований – семейной коммуникации. Эта область привлекает внимание представителей разных наук – социологов, историков, психологов, антропологов и, конечно, лингвистов и педагогов.

Обзор литературы

В зарубежном научном сообществе, в странах, где не было подобных нашим частых смен социальных парадигм и неоднократного полного пересмотра ценностных ориентаций, всплеск интереса к семейной коммуникации и способам фиксации и сохранения семейной истории связан, скорее, с научно-техническим прогрессом и всеми теми изменениями, которые он повлек за собой. Поэтому зарубежными учеными не только изучается собственно семейная коммуникация (журнал *Journal of Family Communication*), различные ее формы [28; 35] и способы передачи [25; 27], процесс семейного сторителлинга [26; 31], но и применение новых технологий для фиксации семейной истории. Разраба-

¹ Указ президента РФ от 7 мая 2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года».

тываются и успешно проводятся в зарубежных университетах и колледжах курсы по обучению специфике письменной фиксации истории собственной семьи; издаются монографии по данной тематике; в журнале *The History of the Family* публикуются исследования конкретных исторических периодов и характерных для них процессов в отношении выбранной социальной группы [30; 34] или результаты изучения конкретных проблем в определенном историческом контексте [24; 32]. Гордиться своим прошлым, своей страной и своей семьей – естественно для американцев и европейцев, и их основной интерес – лучше познакомиться с теми или иными историческими событиями, повлиявшими на судьбы их семей и ее субъектов, понять исторические предпосылки и социально-временной контекст тех или иных явлений, а не заново восстановить эту историю и сформировать свое отношение к ней.

В российской научной литературе освещаются отдельные аспекты данного явления: значение семейных историй [18], выявление роли семьи в патриотическом воспитании личности [8], взаимосвязь конструирования будущего и исторической памяти [6], семейных ценностей и семейного образования [22], исследование способов передачи поколенческого опыта посредством семейных историй [23], их значение в становлении семейной идентичности [7]. Однако семейные истории не рассматриваются комплексно: не изучены характеристики данного типа коммуникации, способы их функционирования, методы фиксации и сохранения, не проанализирован их воспитательный потенциал.

Предпосылки для подобного изучения уже имеются: осознается роль «процессуально-коммуникативного компонента» [5, с. 171] и ценностно-генеалогического подхода [19, с. 13] к нравственному воспитанию детей и молодых людей, анализируется воспитание ценностей современного поколения в условиях трансформирующегося общества [20]. В этнопедагогике рассматриваются «духовные и нравственные идеалы народа, связанные с основными ценностями», к которым относятся и «отношение к семье, родителям и предкам, к малой родине» [3, с. 44], делается акцент на необходимости воспитания у молодежи «интереса и бережного отношения к традициям предков» [12, с. 151–152], уделяется внимание «воспитательному потенциалу традиций в семейном воспитании» [3, с. 46], поднимается вопрос «семейного речевого воспитания» [17, с. 17]. Ученые обращаются к истории воспитательного процесса [13] и исследуют его современное состояние [4], более того – говорят о рождении «нового дискурса воспитания» [9, с. 77]. При этом многие исследователи акцентируют внимание на смещении акцентов в воспитании и образовании современного поколения на совершенствование технических аспектов в ущерб гуманитарным, «крен в сторону технологизации» [17, с. 14]. Актуальной признается проблема «низкого уровня этического, гражданско-патриотического, культурно-эстетического развития детей» [10, с. 130], завышения значимости материальных ценностей и благополучия: происходит сползание к технократической парадигме, как называет этот процесс Н. В. Бордовская [2]. Раскрытие и реализация воспитательного потенциала семейных историй как вида коммуникации представляются нам одним из действенных способов восстановить «баланс сил» в соотношении «технологизация – гуманитаризация».

Целью данного исследования было обоснование семейных историй как особого вида коммуникации, выявление его основных характеристик и раскрытие воспитательного потенциала.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили как устные и письменные семейные истории 32 семей (155 респондентов), так и другие формы представления истории семьи (более 5 тысяч подписанных и неподписанных фотографий из семейных архивов, семейные реликвии, тексты писем и т. д.), произведения художественной литературы, содержащие рассказы об истории семьи, материалы социальных сетей (320 постов), а также данные проведенного нами анкетирования (1600 собранных анкет). При проведении исследования были использованы метод включенного наблюдения, тематический анализ, метод изучения форм и видов представления семейных историй, метод анализа полученного материала, метод обобщения при выведении общих принципов и закономерностей функционирования семейных историй как особого вида коммуникации и элементы биографического метода.

Исследование, результаты которого легли в основу настоящей статьи, проводилось в течение 5 лет. Включенное наблюдение позволило изучить коммуникативное поведение 155 представителей 32 семей¹ (все они являлись родственниками, друзьями или хорошими знакомыми автора работы), а изучение домашних архивов некоторых из них (в первую очередь семейных фотографий и семейных реликвий, которые дополнялись семейными нарративами респондентов, а в исключительных случаях дневников и писем²) дополнило общую картину. В течение обозначенного периода многие из респондентов в той или иной мере занялись поиском информации об истории своей семьи и по собственной инициативе пересказывали автору то, что удалось узнать. Некоторые респонденты записывали отдельные семейные истории (в разном объеме) и свободно делились с автором своими сочинениями. В организованном нами анкетировании, вопросы которого были непосредственно связаны с темой истории семьи, на данный момент приняло участие 1600 человек. Были также изучены различные материалы, представляющие семейные истории самых разных людей, выложенные в сети Интернет: публикации в социальных сетях, блоги, сайты, личные страницы. Анализировались и художественные произведения, в основе которых лежат чьи-то семейные истории. Весь этот материал послужил основой для рассмотрения семейных историй как особого вида коммуникации и стал той базой, на основе которой были выведены общие принципы и закономерности ее функционирования, рассматриваемые в данной статье.

Результаты исследования

Семья была и остается одной из наиболее значимых социальных институциональных форм [33, с. 1], играющих важную роль в жизни человека, а также

¹ В данном случае под семьей понимается совокупность родственников, проживающих совместно.

² С разрешения авторов или владельцев.

в воспитании молодого поколения. Психика человека как существа социального, «его интеллектуальный потенциал не могут сформироваться вне человеческого общества» [20, с. 83], и именно семья выступает для него первым таким обществом. Именно функционирование и общение внутри семьи является первой и для многих ведущей формой взаимодействия.

В классическом понимании семья представляет собой группу людей, проживающих совместно и связанных брачными или кровнородственными отношениями. Состав этой группы непостоянен: стоит кому-то выйти замуж / жениться, это приводит к изменению существующих семей и созданию новой. Людей, входящих в данную группу, мы называем членами семьи, а отношения и связи между ними – внутрисемейными отношениями и связями. Всех прочих участников семейного пространства, не входящих в число членов семьи, но связанных с ними любой степенью родства, – субъектами семьи.

Под *историей семьи* мы понимаем информацию обо всех субъектах определенной семьи – как в синхроническом (по состоянию на конкретный мент¹), так и в диахроническом аспектах. Это не только та часть информации, которая нам известна, но и огромная масса того, что скрыто от нас расстояниями или временем.

Та же часть информации о семье, которая известна ее субъектам, включается в коммуникативное пространство данной семьи и сохраняется в нем. Именно ее мы терминологически определяем как *семейную историю*. Семейная история «складывается» из множества составляющих – элементов. Наше исследование, проведенное методом включенного наблюдения, а также результаты анкетирования показали, что знания о семье и ее субъектах сохраняются в семьях и передаются от одних субъектов семьи другим посредством устных и письменных текстов (в первую очередь, это семейные нарративы), фотографий, подписанных и нет², видеозаписей, аудиозаписей и семейных реликвий. Таким образом, семейная история – это любой *контент, сохраняющий и передающий историю семьи*, т. е. это та часть информации о семье, которая включается в коммуникативное пространство³ субъектов данной семьи посредством рассказывания, трансляции данной информации, ее обсуждения, сохранения и передачи другим в результате последующих коммуникативных актов. Исследование показало, что в каждом конкретном коммуникативном акте передается и/или обсуждается только небольшая часть этой информации – связано это в первую очередь с большим объемом и структурной разнородностью данного знания. Даже когда наши респонденты решали записать историю своей семьи, они сталкивались с невозможностью передать в одном повествовании всю из-

¹ Часто для визуального представления этой информации используется родословное древо.

² Когда подписи на фотографиях отсутствуют, принципиальным для сохранения знания, зафиксированного на них, является наличие субъекта, который помнит необходимую информацию (кто запечатлен на снимке, где и при каких обстоятельствах сделано фото и т. п.) – только в этом случае фотографии являются частью семейной истории. Некоторые наши респонденты, когда не могли идентифицировать людей на неподписанных снимках при просмотре старых семейных альбомов или стопок фотографий (и осознали, что уже вряд ли смогут), откладывали их и не возвращали в альбомы к остальным семейным фото, как бы признавая их исключенность из семейной истории.

³ Как внутреннее – между субъектами одной семьи, так и внешнее – между адресантом собственной семейной истории и адресатом, не принадлежащим данной семье.

вестную им информацию – приходилось ее определенным образом отбирать, структурировать и фиксировать.

Наблюдая за коммуникативным поведением субъектов одной семьи, мы определили, что, хотя история семьи является общей для всех ее субъектов, семейная история у каждого своя. Это объясняется тем, что степень личной заинтересованности в судьбах многочисленных субъектов семьи различна у разных представителей данной семьи, а следовательно, различная информация включается в их коммуникативное пространство и определяет их коммуникативное поведение. Большинство наших респондентов проявляли значительно больший интерес к коммуникации, которая затрагивала близких им субъектов, чем тех, с кем родственные связи имелись, но они этих людей не знали лично и с ними не общались. В крайне редких случаях отдельных членов семьи интересовала вся возможная и доступная информация обо всех известных ее субъектах, то есть для появления заинтересованности достаточно было знания о принадлежности конкретной информации к истории семьи данного субъекта.

Наше исследование показало, что семейная история как информация о семье, известная данному субъекту семьи и включаемая им в коммуникативное пространство, формирует это пространство и на этом основании может рассматриваться как особый вид коммуникации.

Изучение произведений художественной литературы доказывает, что данный вид коммуникации сформировался очень давно. Самые древние известные нам семейные истории – библейские сюжеты, мифы и легенды Древней Греции, исландские саги. Но это – *художественные* семейные истории. Другой разновидностью считаются семейные истории, бытующие в каждой отдельной семье и не увековеченные в литературных произведениях, *личностные* (бытовые, внутрисемейные) семейные истории. Несмотря на разграничение, эти типы являются взаимопроницаемыми категориями: в личностных историях могут использоваться элементы вымысла (например, в случае «додумывания» определенных событий или характеристик при отсутствии необходимых сведений), а в основе художественных семейных историй – реальные события, имевшие место в жизни реальных людей¹.

В результате проведенного исследования были определены основные характеристики семейных историй как особого вида коммуникации:

1. Объектом данного вида коммуникации (ее *сообщением*) является любая информация из истории семьи.

Тематический анализ показал, что это могут быть сведения о любом из субъектов данной семьи; информация об их взаимоотношениях (включая отсутствие таковых), об исторических событиях, которые происходили во время их жизни, о местах и условиях их проживания, история их повседневности (организация быта конкретной семьи, ее традиции, обычаи, ценности, верования и т. п.). При этом очень часто данная информация содержит ценностный

¹ Например, книга Харпер Ли «Убить пересмешника» основана на реальных событиях из детства автора, а «Моя несчастная жизнь» Кейт Мэннинг – на истории жизни Энн Ломан.

компонент, оценивается с точки зрения нравственно-этических норм, характерных для данной семьи.

2. Семейная история – комплексное понятие, которое включает в себя как 1) прошлое семьи, так и 2) ее настоящее. Более того, она 3) ориентирована на будущее.

Будучи включенными в коммуникативное пространство семьи, семейные истории сохраняют и передают будущим поколениям не только собственно знания (о субъектах данной семьи, их поступках и событиях, которые с ними происходили, времени, местах и условиях, в которых они жили), но и саму систему ценностей данной семьи: через используемую в рассказах оценочную лексику, выражение своего отношения к описываемым событиям, через коннотации, сопровождающие сообщение.

3. Данный вид коммуникации часто бывает *разнонаправленным, дискретным и многоступенчатым*.

Например, один из наших респондентов – отец, переживший много тяжелых моментов в молодости, не рассказывает об этом дочери, но упоминает в разговорах с сыном. Или бабушка, которая рассказывает об одних и тех же событиях по-разному разным внукам и в разное время. Кроме того, истории могут со временем дополняться, обрывать деталями, что-то забывается, а что-то переосмысливается в соответствии с новыми знаниями и приобретенным опытом.

4. Основными *целями* данного вида коммуникации являются а) создание единого коммуникативного пространства, объединяющего субъектов данной семьи и поддерживающего идентичность семьи как единой группы; б) сохранение истории – и семьи в целом, и отдельных ее субъектов; в) удовлетворение потребности людей в знаниях о своей семье.

Подобная коммуникация помогает консолидации, сплочению конкретной семьи, а также выполняет идентифицирующую роль – позволяет человеку лучше понять себя и то окружение, в котором он растет, живет и функционирует. Именно сохранение и передача истории семьи, осуществляемые в ходе подобной коммуникации, помогают индивидуумам почувствовать себя частью общей системы под названием «моя семья», тем самым поддерживая ее целостность и высокую эмоциональную значимость, и как следствие – осознать себя и своих родных субъектами одной страны, непосредственно связанными с ее историей, культурой, традициями, обычаями и бытом.

Многие из тех, кто занялся изучением истории своей семьи, отмечают, что интерес к истории и культуре своей страны зародился в них именно благодаря осознанному отношению к истории своей семьи, желанию узнать и сохранить ее. На примере личностных семейных историй человеку легче осознать и принять исторические, экономические и политические аспекты жизни своей страны.

5. По *форме* данный вид коммуникации может быть *устным (межличностным)* или *письменным (опосредованным)*.

Издrevле именно устные рассказы являлись основным видом существования семейных историй. Семейная история передавалась «из уст в уста» и была органично вплетена в семейную жизнь. Предки служили образцом для подра-

жания и своеобразными «судьями» для живущих потомков. Неспроста появились выражения вроде «твой дед бы в гробу перевернулся, если бы узнал», служившие способом высказывания личного отношения к действиям кого-то из членов семьи, а также действенным воспитательным приемом.

С распространением грамотности, а в последнее время благодаря стремительному распространению информационно-коммуникационных технологий все больше семейных историй письменно фиксируются. Именно в письменной форме семейные истории не изменяются со временем¹ и менее склонны к исчезновению: ведь стоит устной передаче прерваться, история оказывается потерянной навсегда. Письменная фиксация приводит к тому, что именно зафиксированная версия сохранится и будет воспринята потомками как эталон. А как ярко продемонстрировало наше исследование, «что» и «как» рассказано, во многом зависит от рассказчика, его восприятия и трактовки имевших место фактов.

6. Основными *функциями* данного вида коммуникации выступают а) когнитивная (познавательная, гносеологическая – узнавание информации о своей семье); б) побудительная (известные субъекту семейные истории могут стимулировать его на выбор определенной жизненной стратегии, принятой в семье манеры поведения или, напротив, желание поступать вопреки); в) экспрессивная (эмотивная – семейные истории передают чувства, эмоции и душевные переживания субъектов данной семьи); г) идентифицирующая (семейные истории формируют восприятие человека как субъекта данной семьи, содержат информацию о том, что помогло сформировать его, включая имеющиеся ценности, убеждения, привычки и т. п. Они также создают семейную идентичность, формируя «чувство “мы” через осознание опыта предыдущих поколений предков, знание семейных историй, мифов, нарративов» [21, с. 219]; д) фатическая (семейные истории создают единое коммуникативное пространство членов семьи и служат укреплению их контактов) и е) воспитательная.

Внутрисемейная коммуникация оказывает значительное влияние на формирование личности каждого из субъектов семьи. Как отмечает С. В. Гузенина, «чувство Родины начинается у ребенка с отношения к семье, к самым близким людям – к матери, отцу, бабушке, дедушке» [8, с. 54]. Семейные истории (в частности, высказываемое в них отношение к произошедшим событиям и совершенным действиям) выступают эталоном, своеобразным мерилom нравственных ценностей данной семьи.

Семейные истории как вид коммуникации имеют большое значение и для воспитания патриотических чувств. Эта проблема особенно актуальна в наше время, ведь «без идеи патриотизма можно жить в эпоху разрушений. Но создать без нее нельзя» [11, с. 67]. Наше исследование подтверждает, что воспитание патриотизма как любви к малой и большой Родине начинается именно в семье – через рассказы о местах, где живет семья сейчас и где жила раньше, о переездах, поездках к родным и в отпуск. Наши респонденты отмечали, что

¹ Рассказывание одной и той же истории в каждом новом варианте приобретает немного другую, отличную от исходной, форму.

воспоминания о значимых событиях, которые происходили в том или ином месте, делали для них значимыми и сами места. Передавая, транслируя подобные воспоминания в рассказах следующим поколениям, мы делаем значимыми эти места и для них.

История страны – это в первую очередь жизнь ее народа, которая, в свою очередь, есть не что иное, как совокупность жизней ее отдельных представителей. Основным элементом в системе воспитания В. Г. Белинский признавал «народность», под которой понимается «верное изображение жизни того или иного народа», занимаемого им места «в великом семействе человеческих народов», его нравов, обычаев и характера» [14, с. 198]. История близких человека, которая находит отражение в его семейной истории, как раз и является примером «верного изображения жизни» народа.

Патриотизм часто определяется через слово «любовь». Но невозможно любить то, что не знаешь. Чтобы полюбить, нужно узнать, нужно, чтобы история стала не просто школьным предметом, страницами в учебнике, которые необходимо выучить к контрольной работе, для этого нужно «пропустить ее через себя». А самым действенным образом это можно сделать, осознав события прошлого через жизни собственных предков. Не стоит забывать, что семейная история – это не только прошлое, но и настоящее. А то, что происходит в России и мире сейчас, – это не абстрактные события, это то, что происходит с людьми, в том числе с нашими родными и близкими.

Исследователи отмечают, что «личность, приобщенная к генеалогической культуре, более восприимчива к осознанию гражданских и социальных компетенций, адекватному восприятию гуманных, патриотических и толерантных качеств личности» [19, с. 13]. Человека, его жизнь и поступки невозможно понять без знания времени, в котором он жил, и тех обстоятельств, в которых он действовал. Очень часто наши респонденты при рассказе о своих близких, описании конкретных событий из их жизней ссылались именно на конкретный исторический период, подчас эти отсылки превращались в краткий исторический экскурс. Именно поэтому знание и понимание своей семейной истории помогают лучше узнать и понять многое в нашей жизни и истории нашей страны. Ведь любой «субъект не является безличной трансисторической величиной, но всегда оказывается продуктом определенного исторического опыта» [9, с. 79]. А семейная история, как показало наше исследование, предоставляет настолько богатый в этом смысле материал, что именно через нее мы можем увидеть во всей полноте «реальный, конкретный, жестокий, прекрасный, понятный и непостижимый мир, полный проблем, которые вынужден ежеминутно решать человек» [5, с. 171]. Именно на примере собственной семейной истории, ближе которой ничего нет и быть не может, человек познает жизнь, а переживая за ее «героев» – своих родных и предков, становится сопричастен событиям не только самой семьи, но и страны и мира в целом. Это в полной мере соотносится с рекомендациями международной комиссии ЮНЕСКО, которая не раз отмечала, что воспитание детей должно способствовать, с одной стороны, осознанию собственных корней и тем самым определению своего места в современном мире, а с другой, – уважению и принятию других культур [14, с. 197].

Важной задачей современного образования признается «воспитание диалогической личности, т. е. человека, который живет в диалоге с миром, с окружающими и самим собой» [15, с. 21]. А ведь история любой семьи – это всегда судьбы множества людей, причем судьбы самые разнообразные. Даже наши близкие не похожи на нас, но очень дороги нам. Общение с ними, узнавание их, попытка разобраться в мотивах их действий и ценностях приводят человека к отказу от идеи о существовании единой «правильной» позиции или точки зрения. На одну и ту же ситуацию всегда можно посмотреть с множества разных сторон. Знание этих сторон, их учет способствуют критичности мышления, терпимости к другим людям, сочувствию и принятию «другого».

А. Ф. Закирова и Е. Н. Володина утверждают, что «ведущими методологическими ориентирами педагогической деятельности сегодня становятся идея выстраивания многомерных связей между эпохами и поколениями и идея опосредования процесса становления личности... через освоение культурного опыта, зафиксированного в разножанровых текстах в форме художественных образов, мифов, символов» [17, с. 17]. Проведенное нами исследование дает основания сделать вывод о том, что семейные истории, наполненные множеством образов близких субъекту людей, включающие семейные мифы и предания, тесно связанные с семейными реликвиями, и являются той основой, на которой можно и нужно выстраивать обозначенные связи. Тот факт, что «осознание своих корней помогает человеку определить свое место в мире» [14, с. 197], постулируется многими мыслителями. При этом семейная история как вид коммуникации не просто знакомит субъектов семьи с определенными событиями и людьми, она заставляет их переосмысливать все то, что «наработано поколениями» [17, с. 14]. Такое переосмысление, как отмечают исследователи, должно иметь «проективно-ретроспективный характер, быть рефлексивно обращенным одновременно и в будущее, и в прошлое» [17, с. 15]. Именно эта «связь времен» – обращенность к прошлому семьи с ориентированностью на ее будущее – и является одной из особенностей рассматриваемого вида коммуникации.

Поскольку раньше личностные семейные истории предполагали в первую очередь рамки внутрисемейной коммуникации, это сказывалось на их ориентированности на ограниченную аудиторию. И хотя какие-то подобные истории сохранились в частных архивах, музейных коллекциях или в виде литературных произведений¹, основная их часть редко выходила за пределы семьи и становилась частью более широкого дискурса. Однако эпоха Интернета породила новые формы коммуникации, что отразилось и на бытовании семейных историй.

Сейчас мы можем говорить о новых способах оформления семейных историй, дополняющих привычные форматы, а иногда и превалирующих над ними по своим объемам. То, что раньше было внутрисемейным общением, оказывается в Интернете и становится доступным неограниченному числу лиц. Проанализировав контент по запросам «семейная история» и «история семьи», мы обнаружили множество личностных семейных историй, которые легли в основу

¹ Например, дневник Анны Франк.

и стали наполнением сайтов, личных страниц, блогов и социальных сетей. Возможность комментирования поста, например, в Инстаграм позволяет выстраивать диалог, а часто и полилог: семейная история не ограничивается единичным коммуникативным актом, она дополняется историями собеседников, ее может дополнять отправитель сообщения в ответ на вопросы реципиентов. И этот процесс, потенциально бесконечный, отражает такую особенность семейных историй, как многоступенчатость, дискретность и разнонаправленность. При этом большинство людей, которые вступают в эту коммуникацию, не являясь субъектами семьи адресанта, включаются в его коммуникативное пространство. Вопрос в том, перестает ли в данном случае семейная история быть актом внутрисемейной коммуникации или в условиях современных реалий изменяется само понятие личного и, следовательно, семейного? Этот вопрос перекликается с идеей о том, что «сегодня современной психологии и педагогике требуется новая парадигма развития личности, разработанная с позиций реалий информационного общества» [1, с. 7]. В любом случае, как показало проведенное исследование, семейным историям, которые выходят за рамки внутрисемейной коммуникации, свойственна яркая оценочность, часто такие истории выражают посыл: «Я горжусь своей семьей / своими предками».

В мире, где «изменились ритмы жизни, темпы передвижения, структура и характер взаимодействия людей» [10, с. 133], где «разные поколения... находятся в острой ситуации, в разных пространственно-временных рамках миропонимания» [10, с. 132], в «становящейся полидискурсивной и многовекторной реальности» [17, с. 18], именно трансляция и сохранение семейной истории, имеющие место в семейном общении, могут стать для человека той опорой, которая необходима ему для стабилизации и развития.

Это также является составляющей частью патриотического воспитания в семье: чувство патриотизма как «любви, преданности и привязанности к отечеству, своему народу»¹ начинается с семьи, с положительного отношения ребенка к ней, к ее прошлому, к предкам, к истории родных мест. А поскольку семейная коммуникация выступает в качестве основного хранилища семейной памяти, она способна воспитать в субъектах своей семьи именно такое (положительное и сознательное) отношение.

Семейные истории настолько органично вплетены в наше ежедневное общение, что мы не всегда осознаем их значение для нас, для наших родных и потомков. Они не только отражают культуру нашей семьи (и нашей страны), но и способствуют высокому уровню эмоционального комфорта, помогают почувствовать себя частью сплоченного коллектива, сохранить и передать детям и внукам духовно-нравственные ценности, выступая таким образом в роли богатого ресурса для воспитания каждого нового поколения.

В результате включенного наблюдения за внутри- и внесемейным общением и анализа собранных семейных историй во всевозможных их формах мы пришли к выводу, что общение (предметом которого выступает семья в самом

¹ Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=44982> (дата обращения 17.08.2020)..

широком ее понимании и все, что с ней связано) можно рассматривать как особую форму коммуникации. В качестве базы для дальнейшего исследования мы определили само понятие «семья», а также ввели разграничение понятий «история семьи» и «семейная история». Анализ внутрисемейного общения и художественной литературы позволил нам не только выделить два типа семейных историй – художественные и личностные (бытовые, внутрисемейные), но и обнаружить взаимопроницаемость этих категорий.

Изучение личностных семейных историй привело к формулированию основных особенностей данного типа коммуникации: мы рассмотрели ее с точки зрения базовых характеристик – тип сообщения и возможные формы представления, особенности, цели и основные функции. Детальное рассмотрение воспитательной функции данного типа коммуникации позволило прийти к выводу, что семейные истории обладают значительным воспитательным потенциалом, реализация которого имеет большое значение для формирования как личности и ее ценностной системы, так и патриотических чувств. Семейные истории и передаваемое в них отношение к ее «героям», их действиям и окружающей действительности транслируют адресатам и «сохраняют» для будущих поколений систему нравственных ценностей данной семьи. Кроме того, воспитание в коммуникативном пространстве семейных историй, с одной стороны, способствует осознанию собственных корней и определению себя в современном мире, а с другой – уважению и принятию «других»: других людей, других ценностей и ориентиров, других культур.

Рассмотрев новые способы представления семейных историй в современную цифровую эпоху, мы выяснили, что данный вид коммуникации перестает быть внутри- и околосемейным, но сохраняет свои основные признаки и характеристики.

Список литературы

1. Берулава М. Н. Теория сетевого образования / М. Н. Берулава, Г. А. Берулава // Профессиональное образование. Столица. 2012. № 5. С. 7–11.
2. Бордовская Н. В. Диалектика педагогического образования / Н. В. Бордовская. Санкт-Петербург, 2001. 511 с.
3. Валеева Р. А. Проблемы семьи и семейного воспитания в трудах татарских просветителей Г. Буби и Р. Фахретдина / Р. А. Валеева, Г. Ф. Биктагирова // Образование и саморазвитие. 2015. № 1 (43). С. 44–47.
4. Габдулхаков В. Ф. О современной системе образования и традиционной педагогической культуре татар / В. Ф. Габдулхаков, Л. Т. Муртазина, Р. И. Ягудина // Образование и саморазвитие. 2011. № 6 (28). С. 184–190.
5. Газизова Ф. Г. Концептуальная модель нравственно-воспитательной системы сельской школы / Ф. Г. Газизова // Образование и саморазвитие. 2009. № 6 (16). С. 167–172.
6. Гаязов А. С. Конструировать свое будущее с высоты исторической памяти поколений (о понятиях Малая Родина, Большая Родина и фамилистическая культура человека) / А. С. Гаязов // Проблемы востоковедения. 2016. № 1 (71). С. 8–15.
7. Городила М. В. Диалог с историей своей семьи: зарубежный опыт исследования / М. В. Городила // Педагогика и психология образования. 2017. № 2. С. 110–119.
8. Гузенина С. В. Роль семьи в патриотическом воспитании личности / С. В. Гузенина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 1. С. 53–59.

9. Гусаковский М. А. О воспитании в современном университете: смена правил игры / М. А. Гусаковский // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 76–86.
10. Демакова И. Д. Педагогическое образование в условиях внедрения стратегии развития воспитания / И. Д. Демакова // Образование и саморазвитие. 2015. № 2 (44). С. 128–135.
11. Десяев С. Н. Пространство патриотизма / С. Н. Десяев // Интеграция образования. 2004. № 3. С. 65–71.
12. Добровольская Л. В. Проблемы приобщения к народным музыкальным традициям младших школьников Казахстана / Л. В. Добровольская // Образование и наука. 2013. № 5 (104). С. 150–160.
13. Домнин С. С. Воспитание и образование в купеческой семье городов марийского края в XIX веке / С. С. Домнин // Образование и саморазвитие. 2010. № 4 (20). С. 165–170.
14. Дридгер К. А. Принцип народности воспитания в современном образовательном процессе / К. А. Дридгер // Образование и саморазвитие. 2009. № 1 (1). С. 196–201.
15. Ермолаева Е. Б. Основные характеристики диалогического взаимодействия (к определению актуальных задач педагогики диалога) / Е. Б. Ермолаева // Образование и наука. 2012. № 7. С. 18–34.
16. Заика Л. В. Внедрение курса «Основы семейной жизни» для обучающихся 7–8 классов: первые итоги / Л. В. Заика // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК И ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2017. № 3. С. 20–22.
17. Закирова А. Ф. Исследование тенденций и перспектив модернизации образования: герменевтический подход / А. Ф. Закирова, Е. Н. Володина // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 9. С. 9–34.
18. Иголкин К. С. Информированность граждан о своей семейной истории и ее роль в формировании социально-исторической памяти / К. С. Иголкин, С. С. Домрачев // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 43–48.
19. Извеков И. Н. Технологии сетевого взаимодействия субъектов образовательного пространства в воспитании школьника / И. Н. Извеков, О. А. Зимовина // Профессиональное образование и общество. 2015. № 4 (16). С. 6–22.
20. Кхалед А. Воспитание ценностей подрастающего поколения в процессе социокультурной трансформации общества / А. Кхалед // Образование и наука. 2012. № 7 (96). С. 79–90.
21. Литвинова О. В. Проблема формирования семейной идентичности как фактор неконфликтного взаимодействия между поколениями в семье / О. В. Литвинова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 36. С. 219–223.
22. Мезенцева Ю. И. Традиционные семейные ценности и современное образование / Ю. И. Мезенцева, М. И. Горлов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. № 5. С. 86–90.
23. Омельченко Е. Л. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений / Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреева // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147–156.
24. Boele A. et al. Distant relatives? Demographic determinants of long-term developments in intergenerational proximity, the Netherlands 1650–1899 // *The History of the Family*. 2018. Vol. 23 (3). P. 359–387.
25. Guzmán R. The transnational life and letters of the Venegas family, 1920s to 1950s // *The History of the Family*. 2016. Vol. 21 (3). P. 457–482.
26. Huisman D. M. Telling a Family Culture: Storytelling, Family Identity, and Cultural Membership // *Interpersona*. 2014. Vol. 8 (2). P. 144–158.
27. Martín L. M. Shared letters: writing and reading practices in the correspondence of migrant families in northern Spain // *The History of the Family*. 2016. Vol. 21 (3). P. 429–456.
28. Mehta D. ‘An Autobiographical Myth’: Recuperating History in Suniti Namjoshi’s Goja // *Life Writing*. 2019. Vol. 16 (4). P. 583–599.

29. Miller-Day M. Family Communication [Electronic resource] // Oxford Research Encyclopedia of Communication. 2017. Electron dan. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.177> (date of access 17.08.2020).
30. Paiva D., de Matos T. P., Fonseca M. To stay or to migrate: siblings and life transitions in 19th century Ribeira Seca, Azores // *The History of the Family*. 2018. Vol. 23 (4). P. 568–593.
31. Prins E. Digital storytelling in adult education and family literacy: a case study from rural Ireland // *Learning, Media and Technology*. 2017. Vol. 42 (3). P. 308–323.
32. Riswick T., Engelen Th. Siblings and life transitions: investigating the resource dilution hypothesis across historical contexts and outcomes // *The History of the Family*. 2018. Vol. 23 (4). P. 521–532.
33. Roikonen P., Häkkinen A. Generations, social homogamy and stratification in Finland, 1700–1910 // *The History of the Family*. 2018. Vol. 23. P. 1–27.
34. Rosenbaum-Feldbrügge M. Gender differences in response to family crisis: changes in household composition and migration of widowed parents with minor children in the Netherlands, 1863–1910 // *The History of the Family*. 2018. Vol. 23 (4). P. 679–705.
35. Zhou W., Wen Ch., Dai L. Collaborative construction of social-oriented family archives: a case study based on the practice of China // *Archives and Records*. 2020. Vol. 41 (1). P. 52–67.

References

1. Berulava M. N., Berulava G. A. The theory of network education. In: *Professional'noe obrazovanie*. 2012. № 5. P. 7–11. (In Russ.)
2. Bordovskaya N. V. Dialectics of teacher education. Saint-Petersburg, 2001. 511 p. (In Russ.)
3. Valeeva R. A., Biktagirova G. F. Problems of family and family education in the works of Tatar educators G. Bubi and R. Fakhretdin. In: *Obrazovanie i Samorazvitie*. 2015. № 1 (43). P. 44–47. (In Russ.)
4. Gabdulkhakov V. F., Murtazina L. T., Yagudina R. I. About the modern education system and the traditional pedagogical culture of Tatars. In: *Obrazovanie i Samorazvitie*. 2011. № 6 (28). P. 184–190. (In Russ.)
5. Gazizova F. G. Conceptual model of the ethic and educational system of a village school. In: *Obrazovanie i Samorazvitie*. 2009. № 6 (16). P. 167–172. (In Russ.)
6. Gayazov A. S. To construct one's future from the view of generations' historical memory (about the concepts of Small Homeland, Big Homeland and the familistic culture of a person). In: *Problemy vostokovedeniya*. 2016. № 1 (71). P. 8–15. (In Russ.)
7. Gorodilina M. V. Dialogue with your family history: international research experience. In: *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya*. 2017. № 2. P. 110–119. (In Russ.)
8. Guzenina S. V. The role of family in patriotic education of a person. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 2015. № 1. P. 53–59. (In Russ.)
9. Gusakovskiy M. A. About the education at the modern university: the change of the rules of the acting. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2015. № 1. P. 76–86. (In Russ.)
10. Demakova I. D. Pedagogical education in the context of implementing the strategy of the education's development. In: *Obrazovanie i Samorazvitie*. 2015. № 2 (44). P. 128–135. (In Russ.)
11. Desyaev S. N. The space of patriotism. In: *Integraciya obrazovaniya*. 2004. № 3. P. 65–71. (In Russ.)
12. Dobrovolskaya L. V. Problems of introduction folk musical traditions to younger school-children of Kazakhstan. In: *Obrazovanie i nauka*. 2013. № 5 (104). P. 150–160. (In Russ.)
13. Domnin S. S. Parenting and education in a merchant family of the cities of the Mari Territory in the 19th century. In: *Obrazovanie i Samorazvitie*. 2010. № 4 (20). P. 165–170. (In Russ.)
14. Dridger K. A. The concept of national education in the modern educational process. In: *Obrazovanie i Samorazvitie*. 2009. № 1 (1). P. 196–201. (In Russ.)

15. Ermolaeva E. B. The main characteristics of dialogical interaction (to the definition of relevant objectives of dialogue pedagogy). In: *Obrazovanie i nauka*. 2012. № 7. P. 18–34. (In Russ.)
16. Zaika L. V. Introduction to family life course in 7–8th grades: first outcomes. In: *Vestnik GOU DPO TO «IPK I PPRO TO»*. In: *Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo*. 2017. № 3. P. 20–22. (In Russ.)
17. Zakirova A. F., Volodina Ye. N. Trends and prospects of educational modernization: a hermeneutic approach. In: *Obrazovanie i nauka*. 2018. № 20 (9). P. 9–34. (In Russ.)
18. Igolkin K. S., Domrachev S. S. Citizens' awareness of their family history as a mechanism of forming social and historical memory. In: *Socium i vlast'*. 2016. № 5 (61). P. 43–48. (In Russ.)
19. Izvekov I. N., Zimovina O. A. The technology of networking cooperation between members of educational space in educating of a pupil. In: *Professional'noe obrazovanie i obshchestvo*. 2015. № 4 (16). P. 6–22. (In Russ.)
20. Khaled A. Nurturing the growing generation's values in the process of socio-cultural transformation of society. In: *Obrazovanie i nauka*. 2012. № 7 (96). P. 79–90. (In Russ.)
21. Litvinova O. V. The problem of forming family identity as a non-conflict factor of inter-generational interaction in family. In: *Lichnost', sem'ja i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psihologii*. 2014. № 36. P. 219–223. (In Russ.)
22. Mezentseva Yu. I., Gorlov M. I. Traditional family values and modern education. In: *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovanija*. 2017. № 5. P. 86–90. (In Russ.)
23. Omel'chenko E. L., Andreeva Yu. V. What remains in the family history: the memory of «The Soviet» in the conversation of three generations. *Sociologicheskie issledovanija*. 2017. № 11. P. 147–156. (In Russ.)
24. Boele A. et al. Distant relatives? Demographic determinants of long-term developments in intergenerational proximity, the Netherlands 1650–1899. In: *The History of the Family*. 2018. Vol. 23 (3). P. 359–387.
25. Guzmán R. The transnational life and letters of the Venegas family, 1920s to 1950s. In: *The History of the Family*. 2016. Vol. 21 (3). P. 457–482.
26. Huisman D. M. Telling a Family Culture: Storytelling, Family Identity, and Cultural Membership. In: *Interpersona*. 2014. Vol. 8 (2). P. 144–158.
27. Martín L. M. Shared letters: writing and reading practices in the correspondence of migrant families in northern Spain. In: *The History of the Family*. 2016. Vol. 21 (3). P. 429–456.
28. Mehta D. 'An Autobiographical Myth': Recuperating History in Suniti Namjoshi's Goja. In: *Life Writing*. 2019. Vol. 16 (4). P. 583–599.
29. Miller-Day M. Family Communication [Electronic resource]. In: *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. 2017. Electron dan. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.177> (date of access 17.08.2020).
30. Paiva D., de Matos T. P., Fonseca M. To stay or to migrate: siblings and life transitions in 19th century Ribeira Seca, Azores. In: *The History of the Family*. 2018. Vol. 23 (4). P. 568–593.
31. Prins E. Digital storytelling in adult education and family literacy: a case study from rural Ireland. In: *Learning, Media and Technology*. 2017. Vol. 42 (3). P. 308–323.
32. Riswick T., Engelen Th. Siblings and life transitions: investigating the resource dilution hypothesis across historical contexts and outcomes. In: *The History of the Family*. 2018. Vol. 23 (4). P. 521–532.
33. Roikonen P., Häkkinen A. Generations, social homogamy and stratification in Finland, 1700–1910. In: *The History of the Family*. 2018. Vol. 23. P. 1–27.
34. Rosenbaum-Feldbrügge M. Gender differences in response to family crisis: changes in household composition and migration of widowed parents with minor children in the Netherlands, 1863–1910. In: *The History of the Family*. 2018. Vol. 23 (4). P. 679–705.
35. Zhou W., Wen Ch., Dai L. Collaborative construction of social-oriented family archives: a case study based on the practice of China. In: *Archives and Records*. 2020. Vol. 41 (1). P. 52–67.